

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭСТОНИИ В ЛАТЫШСКИХ ПУТЕВОДИТЕЛЯХ XIX–XXI вв.

ЯНИНА КУРСИТЕ-ПАКУЛЕ

Путеводитель по стране представляет *взгляд на нее извне*, учитывающий знание/незнание обычаев, исторических или культурных достопримечательностей, специфики государственного строя, религии, используемого языка/языков и других особенностей чужого пространства. От того, насколько подробно автор путеводителя знаком или хочет познакомить читателя с другой страной, зависит и то, какой другая страна будет представляться адресату до поездки. Нередко, послушно следуя путеводителю, турист пропускает многие объекты, знакомство с которыми могло бы дать более глубокое познание другой страны.

Латвия и Эстония — страны соседние. История их многие столетия развивалась параллельно (времена Ливонского ордена, вхождение в состав царской России, Советского Союза), довольно схожи были природные, экономические условия, культурные устремления, конфессиональная принадлежность. Это для путеводителей — и плюс, и минус. Плюс потому, что узнаваемое незнакомое быстрее усваивается и понимается. Минус потому, что туристы чаще всего хотят увидеть в другой стране то особенное, чего нельзя увидеть в своей стране. Жителей равнин тянет в горы, жителей Запада — на Восток и т.п.

Мотивация поездки и путеводители

Возникает вопрос — чем руководствуются и руководствовались в прошлом латыши, выбирая в качестве туристического маршрута соседнюю Эстонию? В 2007 г. автор статьи провел опрос среди студентов Латвийского университета и других учебных заведений (в общей сложности 100 человек), а также среди людей среднего и старшего поколения, регулярно путешествующих (70 человек). Все ответили одинаково: менее всего они руководствуются печатными путеводителями, кото-

рые, по их мнению, скучны, поверхностны, а часто и неточны. Студенты более всего черпают информацию о намеченном месте поездки в Интернете. Старшее поколение полагается на «устные путеводители», т.е. рассказы знакомых, друзей, побывавших в Эстонии. Первым импульсом для поездки довольно часто служит интересная публикация, телевизионный фильм или сюжет, например, о жителях эстонских островов, а дальше уже ведется поиск дополнительной информации. Туристические путеводители становятся важными уже на втором этапе, когда потенциальный турист детально изучает предложения, время туристической поездки и список туристических объектов.

При изучении путеводителей по Эстонии, опубликованных в Латвии, приходится сталкиваться с рядом трудностей: имеется довольно мало материала, который можно квалифицировать как «путеводитель по Эстонии» по форме (книжка карманного формата с последовательным и сжатым описанием маршрута и туристических объектов) и по содержанию. Германии, Великобритании, Франции в Латвии посвящено гораздо больше путеводителей, нежели соседним Эстонии и Литве. В этом отношении Латвия шла по проторенному пути — замечать в основном большие и более отдаленные от себя страны. Это вовсе не означает, что латыши путешествовали только в дальние страны и игнорировали соседей, в данном случае Эстонию. По отношению к Эстонии, так же, как и по отношению к Литве, латыши более полагались на «устные путеводители», т.е. на опыт и знания знакомых, которые уже побывали там и советовали обратить внимание на те или иные объекты. Но вместе с тем указанная тенденция подтверждается: для туриста часто ценнее то, что дальше, чего труднее достичь, что больше отличается от родной страны.

В 1929 г. вышел путеводитель по Эстонии, объединенный с кратким очерком истории Эстонии, объемом в 96 страниц. Среди прочего уже во введении мы встречаем слова, которые можно с полным правом отнести не только к туристической ситуации конца 1920-х и начала 1930-х гг., но в общих чертах и к другим временам:

Сколько таких людей, которые объездили Германию, Францию, Италию, Египет и другие еще более отдаленные страны, но не ознакомились с красивыми уголками наших ближайших соседей! Эстонии, Финляндии, Польше посвящено столько же страниц, сколько Корею, Либерии, Боливии или другой далекой заморской стране, с которой у нас нет никаких общих интересов [Igaunija 1929: 3].

Как уже отмечалось, в Латвии выходило мало изданий, которые с полным основанием можно было бы отнести к жанру туристического путеводителя. Часто это книги или брошюры по истории Эстонии, где отдельная глава посвящена географическим и историческим достопримечательностям. Еще чаще это (особенно во второй половине XIX в.) очерки путешествий, помещенные в латышской периодике. Но здесь надо учитывать, что в XIX в. латышская литература, в том числе познавательная, научно-популярная, только набирала силу, именно периодика была основным источником знакомства латышского читателя как с художественной литературой, так и с разными жанрами документалистики. Один из наиболее богатых и увлекательных материалов XIX в. — это записки латышского прозаика Матиса Каудзите, путешествовавшего по Эстонии, опубликованные в периодическом издании «Балтияс Вестнесис» в 1879–1880 гг.¹ Поэтому в данной статье предполагается рассмотреть не только сочинения под заглавием или с подзаголовком «путеводитель», но и другие издания, более или менее подробно знакомящие латышского читателя (туриста) с природными, историческими и культурными достопримечательностями Эстонии. Научные исследования и учебники приниматься во внимание не будут.

Для кого?

Путеводители или путевые заметки и руководства латышским туристам второй половины XIX в. отличаются от путеводителей XX в. прежде всего адресатом. В XIX в. только узкий слой просвещенных и образованных латышей имел возможность

¹ *Kaudzīte M. Caur tēvijū un svešumu // Baltijas Vēstnesis. 1879. Nr. 36–51; 1880. Nr. 1–21.*

посещать другие края или земли с туристической целью. В Эстонию латыши предпринимали поездки, в основном, с целью что-то купить или продать или же получить образование (главным образом, в Дерпт/Тарту). Конечно, и в поездках такого рода латыши не могли не замечать культурно-исторических объектов соседнего края, но это не было их главной целью.

Во второй половине XIX в. в Дерптском университете училась целая плеяда деятелей латышской литературы, культуры, науки: в 1856–1861 гг. поэт Юрис Алунанс (1832–1864), в 1856–1860 гг. фольклорист Кришьянис Баронс (1835–1923), в 1887–1892 гг. поэт Эдуардс Вейденбаумс (1867–1892), в 1891–1895 гг. фольклорист Лудис Берзиньш (1870–1962) и др. Именно от них можно было бы ожидать первых латышских путеводителей по эстонскому краю, во всяком случае, хотя бы по Дерпту. Довольно многие из них действительно оставили путевые заметки, осмыслив свое путешествие из дома в другое место как туризм: «В летнее время, когда никакого определенного занятия не имел, я путешествовал как турист» [Vēgziņš 1935: 75]. Но, в основном, это были путешествия по теперешней территории Латвии или туристические поездки в более отдаленные европейские страны: в Финляндию, Швецию, Данию, Норвегию, Германию, Англию, Францию². Взглянуть на Эстонию и, тем более, Дерпт как на объект путешествия для студентов-латышей было непривычно, поэтому если этот город и появляется, то только в воспоминаниях о студенческой жизни, о профессорах, о новых научных или политических веяниях, но никак не в составе путеводителей. Бывшие студенты Дерптского университета писали также о природе Эстонии, например, Кришьянис Баронс в «Описании нашего отечества» (1865) [Barons 1928: 353–399], об эстонской культуре (первых праздниках песни), литературе, фольклоре. В этом ряду следует упомянуть первое исследование на ла-

² См., напр., записки о туристических поездках по Европе публициста и экономиста, студента Дерптского университета Кришьяниса Валдемарса (1825–1891) «Путевые заметки» (1883): *Valdemārs K. Ceļotāja vēstules* [Valdemārs 1936: 185–199].

тышском языке по эстонским народным песням (1857 г.)³, но все же оно не относилось к жанру путеводителя.

В наиболее обстоятельном путеводителе по латышской и эстонской части Лифляндской губернии — очерке «Через отечество и чужбину» Матиса Каудзите (1879–1880) — предполагаемый адресат — это образованный латыш, как знающий историю, традиции своего края, так и имеющий некоторое представление об исторической общности латышей и эстонцев. Человеку без предварительных познаний и интереса к культуре и истории затруднительно было бы предпринять поездку, руководствуясь ориентирами, представленными в очерке М. Каудзите.

В начале XX в. латышские туристы устремились в Париж, Берлин и в города Скандинавии, откуда в Латвию приходили новые веяния в искусстве, литературе, новые политические идеи. Более системный характер туризм, а вместе с ним и туристические справочники, приобрели после обретения Латвией независимости в 1918 г. Начиная с 1920-х гг. туристические путеводители и подобные им справочники по Эстонии ориентированы уже на массового читателя и учитывали его интересы в основном к объектам материальной культуры и к ландшафтам.

На что обратить внимание

В существующих путеводителях по Эстонии самое большое место уделено культурно-историческим объектам Таллина и Тарту. В источниках XIX в. на третьем месте располагался город Нарва, который в путеводителях XX–XXI вв. уже не удостоивается специального внимания⁴. В Нарве латышского путешественника XIX в. Матиса Каудзите интересовало многое — замок и крепость, места, связанные с Петром I и Карлом XII, якобы сохранившиеся надписи, сделанные рукой самого Петра, мир вещей — физических свидетелей его присут-

³ *Barons K. Igaņu tautas dziesmas* [Barons 1928: 170–176].

⁴ Нарва входит в трехдневный туристический маршрут по Сев. Эстонии только беглым осмотром средневекового замка среди 14 др. объектов [Impro seļojumi 2008: 15].

ствия — его кровать с пологом и постельным бельем, хранящим прикосновения Петра и т.п. Подробно описывая историю вещей, автор тем самым заострял внимание читателей и туристов на истории, увиденной через мир вещей.

Если в путеводителях конца XX и начала XXI вв. почти не делается акцента на противопоставлении «оригинал — копия», то в путеводителях и в описании своих ощущений туристов XIX–XX вв. почти всегда выше ставится соприкосновение с оригинальными вещами, как будто это дает дополнительную энергию, дополнительную информацию и более глубокое понимание иного времени и чужого пространства. Казалось бы, какая разница — копию или оригинал представляют собой ботинки Петра I или Карла XII, но нет — как путеводители конца XIX в., так и сами путешественники особенно подчеркивают разницу между первым и вторым (как настоящим и менее настоящим):

В домике Петра Первого среди прочего показывают вещи, которые сделал или носил сам Петр <...> Там же находится и модель военного корабля «Шлиссельбург» <...>, что тоже, как утверждают, работа самого Петра <...> Далее в шкафу среди его вещей им же изготовленные башмаки большого размера, большой деревянный штوك, на который он, будучи в Нарве, опирался при ходьбе [Brāļi Kaudzītes 1940: 90].

Чем интереснее осколки гранаты, брошенной англичанами в 1854 г. в Нарве и попавшей в дымоход какого-то Нарвского здания, по сравнению с копией гранаты? [Brāļi Kaudzītes 1940: 90] Наверное, для восприятия чужого места гораздо важнее рассказ, легенда, связанная с вещью, чем сама вещь; предмет приобретает дополнительную ценность благодаря исторической легенде⁵.

Путеводители по Эстонии второй половины XX и начала XXI вв. гораздо менее ориентированы на мир вещей. Исторические предметы за 100 лет как будто испарились, что отчасти и верно, учитывая последствия Первой и Второй мировых

⁵ Туристу вообще свойственно притрагиваться к вещам-экспонатам. Прикосновение как бы дополняет визуальные впечатления.

войн. Но, как представляется, в «исчезновении мира вещей» можно усмотреть и более глубокие изменения в мировосприятии. Ю. М. Лотман в одной из своих поздних работ, в статье «Между вещью и пустотой», посвященной поэтике сборника Иосифа Бродского «Урания», заметил: «Поскольку основное в вещи — это ее границы, то и значение вещи определяется в первую очередь отчетливостью ее контура, той “дырой в пейзаже”, которую она после себя оставляет» [Лотман 1993: 299].

В современных путеводителях, по сравнению с путеводителями столетней или даже пятидесятилетней давности, акцент с мира вещей переместился на мир животных и природы. Так, из 21 маршрута по Эстонии, предлагаемого в путеводительном буклете туристической фирмы «Импро», кроме осмотра старой части городов Таллина, Тарту, Пярну, все остальное — это путешествие в мир природы (эстонские водопады, ледяные каскады, озера, островной ландшафт и т.п.) [Impro seļojumi 2008: 13–15]. В наши дни из городов Эстонии чаще всего предлагают «в комплекте» посетить Таллин, Тарту и их окрестности, хотя одна из туристических фирм Латвии, ориентированная в основном на латышского туриста, предлагает и только Таллин (например, «В Таллин на Пасху»).

В Таллине, так же, как в Тарту, наиболее выделена старая часть этих городов, за исключением путеводителей советского времени, где туристам, прежде всего, предлагалось посетить места социалистических достижений, новостройки, объекты индустрии и т.п., и только потом, как бы мимоходом, описывались и культурно-исторические объекты города. Так, например, путеводитель по Эстонской ССР 1961 г. открывается совсем не туристической, а общеидеологической информацией: «Эстонский народ под мудрым руководством партии Ленина и в братском содружестве с другими советскими народами шагает к своему всеобщему счастью — коммунизму» [Brants: 137].

Как этот, так и переведенный в 1969 г. с эстонского справочник «Эстонская ССР» Лаксса [Lakss 1969] трудно назвать туристическим путеводителем, хотя среди прочего латышский читатель мог что-то почерпнуть и об исторических и совре-

менных архитектурных и других памятниках Эстонии. Но иных путеводителей в советское время не было, и туристу приходилось по крупице выуживать полезную информацию, пропуская идеологию: «На поездах, кораблях, самолетах и автобусах в Эстонию — республику, награжденную орденом Ленина — каждый день прибывают сотни туристов» [Lakss 1969: 7].

В Тарту список объектов, предлагаемых для латышских туристов, довольно однообразен и не особенно различается в XIX и в XX вв. Правда, в XIX в. Тарту/Дерпт сравнивался со знаменитым центром европейской науки и просвещения Гейдельбергом и назывался «Российским Гейдельбергом» [Brāļi Kaudzītes 1940: 84]. Туристам XX и XXI вв. такие сложные сравнения уже не предлагаются. Однако имеются единичные исключения. Ежедневная газета «Диена» в 2005 г. выпустила путеводитель по Эстонии, где довольно подробно описано, что стоит посмотреть в Тарту. В рассказе о Тартуском университете подчеркнуто, что там работала плеяда европейских знаменитостей, начиная с основателя современной эмбриологии Карла Эрнста фон Бэра и кончая основателем структурализма Юрием Лотманом. Правда, почему-то имя профессора Лотмана приобрело латышскую форму Juris, а не Jurijs [“Diena” ceļvedis 2005].

Объекты, с которыми латышские путеводители предлагают ознакомиться в Тарту, те же, что и в русских, немецких и др. Но упоминаются также имена, объекты, которые знаменательны только для туристов из Латвии. Матис Каудзите в 1880 г. предлагал посетить церковь Св. Яана, где с утра богослужение велось на латышском, а вечером — на немецком языке [Brāļi Kaudzītes 1940: 86]. В 1880 г. в Дерпте был основан латышский приход, где проходили первую богословскую практику латышские студенты Дерптского университета [Bērziņš 1935: 101].

В латышских путеводителях по Тарту обязательно описываются красоты реки Эмайыги (по-латышски река называется Mētra). В советское время и в 1990-е гг. в туристические маршруты по Тарту включалось посещение улиц Тяхтвере и Херне, где, будучи студентом, снимал комнаты известный латыш-

ский поэт Эдуардс Вейденбаумс (1867–1892). Наверное, так же в армянские путеводители по Эстонии, если таковые имеются, включены места, связанные с Х. Абовяном, а в немецкие и русские — объекты, связанные, соответственно, с немецкими и русскими студентами или преподавателями Тартуского университета.

По наблюдениям работников туристической фирмы «Импро», для латышей в Эстонии более привлекательны сельские маршруты, для русских Латвии — городские маршруты. Так, для латышей на первом месте, начиная уже с XIX в., находится посещение Мунамяги, объект, который вряд ли входит в маршруты русских или немцев. Мунамяги — самая высокая гора Эстонии, высотой в 318 метров. Для латышей это постоянный объект зависти, поскольку Мунамяги на 6 метров выше самой высокой горы Латвии Гайзиньша (Gaiziņš), высотой в 312 метров. Разница в 6 метров и привлекала латышей к Мунамяги и способствовала разным проектам, не только туристическим. Так, по устной информации, в 1920-е гг. группа латышских студентов, в соответствующей экипировке, прибыла на Мунамяги с целью срыть 6 или даже 7 метров. Но эстонская полиция пресекла эти незаконные деяния и заставила студентов возвратиться в Латвию ни с чем.

Путеводители и туристические фирмы заманивают латышей описанием прекрасных эстонских водопадов, пещер Пиуза, образовавшихся в девонский период, в которых якобы «можно получить энергию из энергетического алтаря, находящегося в пещерах» [Atpūtas un izklaides ceļvedis Latvijā un Baltijā 2006]. В современных путеводителях акцент делается на пещерной экзотике, поездках к эстонским «лесным братьям и осмотре подземных бункеров» [Impro ceļojumi 2008: 14], но больше всего внимания уделяется островам Эстонии.

У латышей нет островов, и в Латвии бытует устная история, связанная с островом Рухну, который в царское время входил в состав Курляндской губернии. Когда проводили опрос жителей острова Рухну, сначала они якобы хотели присоединиться к Латвии. Но приехала эстонская делегация, купила у них большое количество тюленьего жира и обещала впредь

покупать еще больше, если они присоединятся к Эстонии, что они и сделали. Начиная с конца 1990-х гг., кораблик из Курземе — рыбацкого поселка Руоя — возит латвийских туристов в однодневное путешествие на Рухну. Несколько материалов о туристических прелестях Рухну появилось в приложении «Туризм» к ежедневной газете «Диена». Но основные туристические маршруты и информация о них как в латвийских, так и в эстонских путеводителях, изданных на латышском языке, касаются Сааремаа и Хийумаа. Более специализированные маршруты ведут в Кихну, что связано с интересом некоторых туристов к фольклорному пению.

Надо заметить, что в современных латышских путеводителях доминирует точный список предлагаемых к осмотру объектов и чрезвычайно сжатая информация о самих объектах, таким образом, основной рассказ и выбор его формы перекладываются на гидов. В путеводителях предлагается также несколько маршрутов, связанных с достаточно узнаваемыми культурными деятелями (писателями, художниками и т.п.) и получивших за счет этого дополнительную окраску.

Советы относительно еды и питья

Если в письменных туристических пособиях XIX в. еда и питье не упоминались совсем или упоминались как бы мимоходом, а в XX в. чаще не упоминались, то в источниках XXI в. это один из обязательных пунктов. Код еды и питья стал одним из главных, с помощью которого осуществляется постижение чужого пространства. Пища помогает или дает иллюзию преодоления противоречия между природой и культурой:

Принадлежит первоначально (по происхождению, по составу частей и т.п.) природе, еда используется уже как продукт культуры, как результат перехода от природы к культуре. В этом смысле еда нейтрализует это противопоставление и является медиатором [Топоров 1980: 427].

В туристических путеводителях регион Сетумаа предлагается постичь через обед в «сетуском духе и самогон местного производства» [Imrgo seļojumi 2008: 14], осмотр бункеров лесных братьев также включает определенную еду и питье. Осмотр

Таллина предполагает трапезы в городских кафе, ориентированных на вкус и представление о «эстонской еде» у среднего туриста⁶; на острове Кихну предлагается «пикник с копченой рыбой и фольклорным концертом» [Imrgo seļojumi 2008: 14].

Можно предположить, что мир вещей, такой актуальный для туриста конца XIX – первой половины XX вв., в XXI в. сменился миром гастрономии. Экспонаты в музеях являют собой лишь копии исторических вещей, замки после многочисленных реставраций также потеряли первоначальную притягательность. По-видимому, знакомство туристов с «настоящими» предметами постепенно стало заменяться гастрономическим знакомством с настоящей пищей. Но часто этой замены недостаточно. Путеводители или гиды рекомендуют приобретать сувениры (чаще всего туристы делают это по собственной инициативе). Сувениры — заместители настоящих, оригинальных вещей (например, изделия из можжевельника вместо самого можжевельника, который в Латвии почти не растет).

Есть и другие способы физического соприкосновения с чужим пространством. Один из них — оставление собственной подписи или граффити с подписью, особенно на природных объектах (скалы, пещеры) или на стенах зданий или на скамейках. Казалось бы, последний способ является предосудительным, и о нем не то что писать, но и устно говорить неэтично. В современных источниках о туристических граффити если и пишут, то только как о чем-то недопустимом, о нарушении нравственных норм. Но в конце XIX в. надписи туристов рассматривали даже с интересом. Так, в описании посещения Мунамяги в 1879 г. Матис Каудзите отметил многочисленные памятные надписи путешественников, оставленные на скамейке:

Какой противозаконной и дурацкой ни казалась бы привычка вырезать свои имена и фамилии, отдыхая на горе, приятно просмот-

⁶ «Праздничная поездка, во время которой посетим романтическую корчму Кийу, чтобы отведать знаменитый эстонский яичный ликер» [Skaisto skatu aģentūra 2005].

реть вереницу имен и найти среди них знакомые. И становится на сердце так приятно, как будто нечаянно встретил друга или знакомого [Brāļi Kaudzītes 1940: 72].

Язык общения

Если предпринять коллективную туристическую поездку под предводительством гида, скорее всего, с проблемой языка общения турист в Эстонии не соприкоснется. Но если ехать в одиночку или идти пешком, руководствуясь справочником, рано или поздно возникает необходимость уточнения или пополнения информации у местных жителей. Тут есть одна особенность, редко упоминаемая в печатных путеводителях и более бытующая в устных рассказах.

Уже в конце XIX в. Матис Каудзите в своих путевых заметках заметил, что эстонцы, когда у них спросишь на немецком или на русском языке дорогу, чаще всего отвечают «Эй мыйста»:

Когда вошли в латышскую часть, почувствовали большое облегчение и радость, так как до этого без конца слышали «эй мыйста». Еще в полуверсте от латышской границы в корчме на наш вопрос гордо отвечали «эй мыйста» [Brāļi Kaudzītes 1940: 131].

В советское время самая первая устная информация перед поездкой в Эстонию была — не спрашивать ничего по-русски, чтобы не указали неверную дорогу. Тут позволю себе привести наблюдения из собственного опыта.

В далеком уже 1970 г. я поехала поступать в Тартуский университет, и во всех устных советах, как вести себя в Эстонии и как найти все необходимое, содержалось предупреждение не спрашивать дороги по-русски. Выйдя из поезда в Тарту, я пугливо обратилась на латышском языке к солидного вида старику с вопросом, как пройти в университет. К моему большому изумлению, старик на довольно хорошем латышском подробно объяснил мне дорогу. Этим стариком оказался историк культуры, исследователь диаспоры эстонцев в Латвии П. Воолайне. Он стал моим первым гидом по современному и довоенному Тарту. Совет не говорить по-русски в данном случае оказался верным, но, в общем, как я потом убедилась

на собственном опыте, это был один из бытовавших стереотипов об эстонцах, подобный представлению об их «медлительности».

Язык одежды

Если не отправляться в туристическую поездку со специальной целью послушать язык соседнего народа (такая группа трудно воображима), то туристу совсем не важно, как и что говорят эстонцы. Гораздо важнее то, что находится на их земле, что они едят, как одеваются. Так как теперь по всей Европе, в общем, одеваются одинаково, то и данный вопрос в туристических поездках не встает. В конце же XIX в. почти все печатные источники отмечали те местности, где еще можно было встретить эстонцев в национальной одежде. Даже в Ревеле/Таллине заинтересованный взгляд путешественника замечал деревенских жителей, приехавших в город по своим делам и одетых в народные костюмы:

Около базарной площади мы увидели гостиницу, из окон которой можно было обозреть весь базар. Деревенские жители, по большей части женщины, были видны около своих повозок, в которых виднелись сельскохозяйственные продукты <...> Почти все женщины были одеты в народную одежду [Brāļi Kaudzītes 1940: 121–122].

Сегодня в Эстонии вопрос о народной одежде и туристический интерес к ней может возникнуть, как кажется, только в одном месте — на острове Кихну, где туристам предлагается послушать выступление женского фольклорного ансамбля, а также рассказ об особенностях местной одежды.

В поездке, предпринятой на остров Кихну в 2003 г., автор данной статьи выслушала краткий курс о различиях между одеждой девушки, замужней женщины и вдовы, а также убедилась, что, несмотря на жаркую погоду, почти все женщины ходили в народных полосатых юбках. По-видимому, народная одежда здесь стала одним из визуальных знаков острова, существенной составной частью туристического действия, в которое также входят фольклорное пение, демонстрация прядения и дегустация туристами копченой рыбы. В магазине сувени-

ниров можно было приобрести народную вышивку. И хотя не предполагалось участие в процессе прядения или вышивки от начала до конца (это отняло бы слишком много времени у спешащих к следующему объекту туристов), демонстрация процесса вполне согласовывалась с веянием времени: туристам предлагали приобщиться к старине через знакомство с традиционной одеждой⁷.

Однако считается, что одной одежды и демонстрации прядения для туристов недостаточно. Поскольку латышский гид в большинстве случаев не владеет эстонским языком, а общение на каком-либо другом для женщин в народных костюмах затруднительно, то предлагается народное пение. Трудно судить о том, насколько это привлекательно для туристов из других стран, но для латышей это может быть один из самых главных видов общения и путей понимания народной культуры Эстонии. Почти во всех туристических справочниках, с конца XIX в. и до современных, дается информация о месте и времени эстонских праздников песни. Данная информация обычно сравнивается с латышской — когда, сколько раз и как проходили праздники песни у эстонцев и латышей.

Новая информация или новые впечатления?

Чего же ждет турист от путешествия, а заодно и от путеводителя? Продолжительное время, как кажется, бытовало мнение, что главное — получить побольше новой информации. Как путеводители, так и рассказы гидов были переполнены фактами, которые, в основном и по большей части, забывались по возвращении из поездки. Язык фактов не исчез и из современных путеводителей, где можно прочесть, что валун Jaani Тооме имеет высоту 8 метров и столько-то сантиметров (www.relaxture.lv), что в Rõltsamaa 17 мостов, что в двух маяках за Кадриоргом горят две лампы, произведенные в Англии, и каждая из них обошлась в 17 тысяч рублей, а свет этих

⁷ Тут возможны различные сравнения, но, на наш взгляд, показателен пример с восстановлением мексиканской традиционной вышивки для целей туризма. Подробнее об этом см.: [Waterbury 1989: 243–277].

ламп виден на расстоянии 40 верст [Brāļi Kaudzītes 1940: 124]. Однако, судя по новым туристическим справочникам, главный акцент в последнее время переместился на получение новых ощущений.

Вместо путешествия, экскурсии, туристической поездки как познавательного мероприятия все больше делается акцент на развлечениях, отдыхе (ср., например, большую популярность сайта www.relaxture.lv). Тем не менее, элемент познавательности полностью не исчезает, но приобретает более прагматический уклон — посмотреть, какие новые архитектурные, ландшафтные решения предлагают соседи и что можно перенять для себя. Матис Каудзите уже в конце XIX в. удивлялся высоким каменным ограждениям вокруг полей эстонских земледельцев:

Вокруг полей хозяев сооружены такие высокие каменные заборы, что домашняя скотина не может выбраться, и не нужно пастуха. Когда такие же высокие каменные заборы видишь вокруг кладбищ, невольно задаешься вопросом, откуда у эстонцев столько времени и сил строить такие китайские стены? [Brāļi Kaudzītes 1940: 126]

Эстония для латышей, как можно судить по печатным, электронным и «устным» путеводителям, интересна, прежде всего, тем, чего у них нет: более северной природой, островами, более высокой горой Мунамяги, водопадами, камнями, множеством можжевельника. Важны и места, где можно найти присутствие латышской культуры (как, например, в Тарту).

Однако есть и более специфический интерес, острое ожидание: ответит эстонец или нет, правильно ответит или неправильно, если спросить не на эстонском, а на каком-нибудь другом языке, как проехать или пройти. Мифы и стереотипы — одна из важных составляющих путеводителей и путешествий по другой стране — в данном случае по любимой для многих латышей Эстонии.

Свой или чужой дом

Путеводители, в том числе латышские путеводители по Эстонии, предлагают путь от своего родного дома (который не

описывается, лишь обозначается как отправная точка) к чужому, ознакомление с ним и возвращение в исходную точку. Исследователь Йоост ван Баак в статье «Дом и мир» моделирует несколько типов образа дома и основных движущих повествовательных мотивов, связанных с домом [Йоост ван Баак 2005: 66–67]. Путеводитель, если следовать предложенной схеме, ограничен двумя фабульными мотивами: покинуть дом и вернуться в него, причем предполагается, что во время путешествия турист познает чужой дом, руководствуемый письменной (путеводитель на языке «своего дома») или устной (проводжатый, гид) инструкциями. Можно, конечно, обозначать понятием «дом» только то место, где постоянно живешь, но, как представляется, путешественник/турист во время своего путешествия старается понять образ *чужого дома*, который он, в отличие от своего, не строил и не планировал.

Соседняя Эстония, в отличие от государств географически более отдаленных, в латышских путеводителях XIX–XXI вв. предстает временами как менее знакомая часть своего дома (в XIX – начале XX вв., в советское время), временами как дружественный, но все же не свой дом. Одна из главных нитей, объединяющих все письменные, устные и электронные путеводители по Эстонии — это сравнение. Посещение и описание достопримечательностей Эстонии — это чаще всего попытка улучшить свой дом путем сравнения и заимствования лучшего у соседей.

ЛИТЕРАТУРА

- Atpūtas un izklaides ceļvedis Latvijā un Baltijā 2006: Atpūtas un izklaides ceļvedis Latvijā un Baltijā. Relax tūre <Rīga, 2005>.
- Barons 1928: *Barons K.* Raksti, 1. sēj., K. Barona biedrības izdevums. Rīga, 1928.
- Bērziņš 1935: *Bērziņš L.* Mūža rīts un darba diena / Izd. A. Gulbis. Rīga, 1935.
- Brāļi Kaudzītes 1940: *Brāļi Kaudzītes.* Raksti, 3. sēj., Apgāds “Literatūra”. Rīga, 1940.

- Brants 1961: *Brants E.* Kopsolī ar citām padomju tautām. Igaunijas PSR. Rīga, 1961.
- “Diena” ceļvedis 2005: Igaunija un Lietuva <Rīga, 2005>.
- Igaunija 1929: Igaunija — mūsu tuvākais kaimiņš un sabiedrotā: Armijas spiestuves izdevums. Rīga, 1929.
- Impro ceļojumi 2008: Impro ceļojumi 2008. SIA Impro ceļojumi. Rīga, 2007.
- Kaudzīte: *Kaudzīte M.* Caur tēviju un svešumu // Baltijas Vēstnesis. 1879. Nr. 36–51; 1880. Nr. 1–21.
- Lakss 1969: *Lakss L.* Igaunijas PSR. Rīga, 1969.
- Skaisto skatu aģentūra 2005: Tūrisms. Rīga, 2004.
- Valdemārs 1936: *Valdemārs K.* Raksti, 1. sēj., Latvijas universitātes studentu padomes grāmatnīcas apgāds. Rīga, 1936.
- Waterbury 1989: *Waterbury R.* Embroidery for Tourists: A Contemporary Putting-Out System in Oaxaca, Mexico // Cloth and Human Experience. Washington and London: Smithsonian Institution Press. 1989. P. 243–277.
- Йоост ван Баак: *Баак Й. ван.* Дом и мир // Антропология культуры. М., 2005. Вып. 3. С. 40–75.
- Лотман 1993: *Лотман Ю. М.* Избранные статьи. Таллин, 1993. Т. 3.
- Топоров 1980: *Топоров В.* Еда // Мифы народов мира. М., 1980. Т. 1. С. 427–429.